Д. А. Изосимов
ORCID: 0000-0003-4335-1487
✉ *DenLore@yandex.ru*
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Представление о предательстве и «коллаборационизме» египетских вельмож времени Первого персидского владычества (526–404 гг. до н. э.) в зарубежной египтологической историографии XIX–XXI вв.

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития восприятия учеными египетских вельмож времени Первого персидского владычества как «коллаборационистов» — предателей национальных интересов Египта. Данное представление возникло еще в конце XIX в. в работах Э. Ревийю, Д. Малле и Ю. Прашека, которые трактовали фигуру Уджахорресне́та как предателя и соотносили его с персонажами-предателями, известными из произведений древнегреческих авторов. Хотя эти взгляды критиковались различными учеными (Ж. Познером, Б. А. Тураевым), представление о предательстве египетских вельмож было возрождено после Второй мировой войны А. Класенсом и Дж. Куни. В работе последнего был впервые использован термин «коллаборационист» для описания предательского характера действий египетских вельмож. Использование данного термина, подразумевавшее уподобление египетских сановников пособникам режимов стран Оси, закрепилось в египтологической литературе вплоть до 1980-х годов, когда появилось несколько работ (А. Б. Ллойд, Ж. Годрон, Т. Холм-Расмуссен, В. Хусс, Г. Виттманн), которые рассматривали с иной точки зрения вопрос о «коллаборационизме» и в итоге привели к переосмыслению восприятия взаимодействия египтян и персов.

Ключевые слова: историография, история науки, египтология, Первое персидское владычество, коллаборационизм, Уджахорресне́т, египетская элита, держава Ахеменидов

Для цитирования: *Изосимов Д. А.* Представление о предательстве и «коллаборационизме» египетских вельмож времени Первого персидского владычества (526–404 гг. до н. э.) в зарубежной египтологической историографии XIX–XXI вв. // Шаги / Steps. Т. 7. № 4. 2021. С. 32–53. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-32-53.

Статья поступила в редакцию 31 декабря 2020 г.
Принято к печати 7 мая 2021 г.

© Д. А. ИЗОСИМОВ

D. A. Izosimov
ORCID: 0000-0003-4335-1487
✉ *DenLore@yandex.ru*
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

Treason and "collaboration" of Egyptian dignitaries during the First Persian Domination (526–404 B. C.) in international Egyptological research of the 19th–20th centuries

Abstract. The author investigates the origins and development of scholars' reception of Egyptian officials who cooperated with the Persians during the period of the First Persian Domination as "collaborators" and betrayers of Egyptian national interests. This conception was first introduced by E. Revillout, D. Mallet and J. V. Prašek, who treated the figure of Udjahorresnet as a traitor and compared him with different traitorous characters known from Greek sources. Though their views were criticized by different scholars (G. Posener, B. A. Turaev), the perception of Egyptian officials as traitors was revived after World War II by A. Klasens and J. Cooney. The latter one introduced the term "collaborator" to describe the treasonous nature of Egyptian officials' actions. The use of the above-mentioned term, which implied a negative comparison between Egyptian officials of the First Persian Domination and the Axis countries, had become a common practice in Egyptological literature up to the 1980s–1990s, when several works (A. B. Lloyd, G. Godrone, T. Holm-Rasmussen, W. Huss, G. Vittmann) provided a new perspective on the problem of Egyptian officials' "collaboration" and led to reevaluating the scholars' reception of the character of Egyptian-Persian interactions.

Keywords: historiography, history of scholarship, Egyptology, First Persian Domination, collaboration, Udjahorresnet, Egyptian elite, Achaemenid empire

To cite this article: Izosimov, D. A. (2021). Treason and "collaboration" of Egyptian dignitaries during the First Persian Domination (526–404 B. C.) in international Egyptological research of the 19th–20th centuries. *Shagi / Steps, 7*(4), 32–53. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-32-53.

Received December 31, 2020
Accepted May 5, 2021

© D. A. IZOSIMOV

В недавней диссертации П. Х. Колберна, посвященной изучению археологических памятников персидского времени в Египте [Colburn 2014; 2020a], была высказана мысль о том, что научная литература по данному периоду египетской истории в течение долгого времени находилась под влиянием различных «предрассудков» как древних, так и современных авторов. Подобные научные «предрассудки» оказывали влияние не только на интерпретацию источников времени персидского владычества в Египте, но и на методы исследования. В диссертации Колберна подверглись критике господствовавшие в науке представления о деспотическом и жестоком характере власти державы Ахеменидов по отношению к подчиненным народам, о малом числе памятников времени персидского владычества и о том, что персидское господство никак не отразилось на культуре (в первую очередь материальной) Египта [Colburn 2014: 10–41]. Список подобных историографических «предрассудков» не исчерпывающий: Колберн обращает внимание и на ряд других идей, которые хотя и не имеют первостепенного значения для рассматриваемой им темы — археологии времени персидского владычества в Египте, — однако оказали большое влияние на научную литературу и в течение долгого времени вновь возникали в различных исследовательских очерках по истории персидского времени.

Среди подобных представлений можно выделить мнение о «коллаборационизме» египетских вельмож времени Первого персидского владычества (526[1]–404 гг. до н. э.). Начиная с середины XX в. в египтологической литературе закрепилось употребление по отношению к египетским вельможам Первого персидского владычества термина «коллаборационисты», причем с тем негативным оттенком, которое данное слово приобрело в годы Второй мировой войны (т. е. подразумевалось сотрудничество с врагом в ущерб интересам собственной страны). Такие фигуры, как «великий лекарь» Уджахорресне́т, мемфисский вельможа Птаххотеп, «начальник строительств» Хнумибра и ряд других сановников, чья служба пришлась на годы после завоевания Египта Камбизом II, воспринимались учеными как предатели египетских национальных интересов, а их деятельность — как предательство интересов страны. По сути, при помощи термина «коллаборационисты» данные представители египетской элиты сравнивались с В. Квислингом и другими государственными деятелями и военными, которые сотрудничали со странами Оси в годы Второй мировой войны, а деятельность представителей египетской элиты сопоставлялась с коллаборационизмом XX в. Характерно еще и то, что в I тыс. до н. э. Египет несколько раз оказывался под властью чужеземцев как до персидского завоевания (ливийские династы, эфиопские правители и ассирийцы[2]), так и после него (греко-македонское правление и римляне), и естественно, что в администрации всех чужеземных правителей присутствовали различные египетские вельможи. Однако в египтологической литературе термин «коллаборационисты» постоянно употреблялся лишь по отношению к вельможам, служившим при администрации персов.

Проблема «коллаборационизма» не ограничивается лишь терминологией. Другой важный аспект — восприятие взаимодействия египетской элиты с пер-

[1] О датировке египетского похода Камбиза II и завоевании Египта см.: [Quack 2011].

[2] Однако их восприятие как чужеземных правителей не было свойственно ни самим египтянам, ни современной научной литературе [Jansen-Winkeln 2000].

сами как предательства национальных интересов Египта. Конечно, оно имплицитно заложено в самих терминах «коллаборационист» и «коллаборационизм», однако в египтологической литературе мнение о предательской сущности действий египетских вельмож появилось задолго до Второй мировой войны — еще в конце XIX в. Иными словами, сама тенденция оценивать подобным образом деятельность представителей египетской элиты зародилась в историографии гораздо раньше, чем появился термин, который емко характеризовал мнение исследователей об египетских вельможах времени Первого персидского владычества.

Следует отметить, что в большинстве научных работ основное внимание уделялось характеристике «великого лекаря» Уджахорреснета. Выбор данной фигуры как объекта исследования в целом понятен: в конце XIX — начале XX в. исторического материала египетского происхождения, относящегося к Первому персидскому владычеству, было мало. Все основные источники на арамейском и демотическом языках были введены в научный оборот гораздо позднее [Driver 1954; Spiegelberg 1914; 1928]. В основном ученые конца XIX — начала XX в. опирались в своих исследованиях на сведения древнегреческих авторов (прежде всего Геродота, Диодора Сицилийского, Полиэна) и на небольшой корпус египетских памятников (надпись на наофорной статуе Уджахорреснета, стелы в честь усопшего Аписа, ряд надписей на скалах из долины Вади-Хаммамат). При этом наиболее информативным памятником по данному времени все равно остается текст автобиографической надписи Уджахорреснета на наофорной статуе египетского вельможи, ныне хранящейся в Ватикане (Vatican № 158) [Posener 1936: 1–26; Панов 2017: 7–15], в котором затрагивались события сразу после завоевания Египта Камбизом II и сообщалось об участии в них вельможи — владельца памятника.

Однако в первых обобщающих трудах по истории древнего Египта автобиографическая надпись Уджахорреснета привлекалась лишь как источник по политической истории данной эпохи [Brugsch 1859; Wiedemann 1880], без оценки деятельности «великого лекаря». По всей видимости, первой научной работой, в которой была дана негативная характеристика деятельности египетского сановника, можно считать статью французского египтолога Э. Ревийю [Revillout 1880], посвященную политике царя XXVI династии Амасиса на материале сведений Геродота и ряда египетских частных памятников. В качестве одного из источников была привлечена автобиографическая надпись Уджахорреснета. Обращение Ревийю к данному памятнику связано с тем, что исследователь приводит собственную реконструкцию жизни «великого лекаря» и его родословной, связывая переход египетского сановника на сторону персидских царей с борьбой за власть между царем Априем и царем Амасисом, в ходе которой пострадал род Уджахорреснета. Ревийю идентифицирует отца «великого лекаря» с одним из высших жрецов времени царя Априя, свергнутого Амасисом в результате восстания[3]. По его мнению, отец лекаря был лишен

[3] Необходимо отметить, что Э. Ревийю в данной статье не приводит причин подобной идентификации, лишь ссылаясь на мнение Г. Бругша о сходстве имени матери Уджахорреснета с именем дочери Априя [Revillout 1880: 70]. Ж. Познер позднее предполагал, что, по всей видимости, отцом Уджахорреснета ошибочно считали «великого лекаря» Пефчауаунета, владельца памятника Louvre A 93 и ряда других памятников [Posener 1936: 11, 164; Pressl

своего привилегированного положения новым царем, а назначение Уджахорреснета на должность «начальника флота» он рассматривает как меру, призванную держать опального вельможу «подальше от царской резиденции» в Саисе [Ibid.: 70]. Недовольство этим назначением и лишением наследственной должности жреца явилось причиной, по которой «великий лекарь» стал сторонником новой власти после покорения Египта Камбизом II, и все описываемые в автобиографической надписи Уджахорреснета события по восстановлению храма Нейт в Саисе были связаны со стремлением вельможи вернуть утраченное его родом положение. Ревийю даже предполагает, что египетский сановник мог вступить в отношения с персами еще до египетского похода Камбиза II [Ibid.: 70–71]! На подобное восприятие ученым фигуры Уджахорреснета повлияла история Фанеса из Галикарнасса, персонажа из III книги «Истории» Геродота, который, попав в опалу при царе Амасисе, бежал из Египта в стан Камбиза II и в итоге указал путь, по которому персидское войско прошло в долину Нила и покорило страну (Hdt III.4). Ревийю находит множество параллелей между историей Фанеса и обстоятельствами реконструируемой им жизни Уджахорреснета [Ibid.: 71–72]. В целом, «великий лекарь» Уджахорреснет в трактовке французского исследователя предстает как предатель царя Амасиса, а само предательство было продиктовано личными мотивами (стремление восстановить утраченные позиции рода), шедшими вразрез с интересами Египта.

Многие из идей Э. Ревийю повлияли на восприятие Уджахорреснета французским исследователем Д. Малле. Последний в работе, посвященной изучению культа Нейт в Саисе [Mallet 1888], приводит характеристику «великого лекаря», которая во многих моментах схожа с идеями Ревийю: в частности, Малле повторяет положения о соотнесении отца вельможи с одним из высших жрецов времени Априя, о принадлежности рода египетского сановника к числу сторонников свергнутого царя и др. [Ibid.: 144–147]. Кроме того, Малле, основываясь на сходстве имен матери Уджахорреснета и дочери Априя, считал, что матерью «великого лекаря» была дочь Априя Тумиритис [Ibid.: 146]. Строго говоря, это сходство имен отмечал еще Ревийю, но он напрямую не соотносит их друг с другом [Revillout 1880: 70]. Таким образом, Малле усиливает реконструкцию обстоятельств жизни Уджахорреснета, предложенную Ревийю. В качестве причин перехода Уджахорреснета на сторону персов Малле также видит стремление восстановить утраченные позиции рода. Дополнительно следует отметить, что французский исследователь подчеркивает предательскую сущность Уджахорреснета, приводя список должностей вельможи, в котором встречаются некоторые высшие командные должности (такие как «начальник царского флота» при царях Амасиса и Псамметихе III), что также должно было показать «аморальность» одного из высших сановников Египта [Mallet 1888: 146].

1998: 231–233]. Причиной же подобного отождествления было не только сходство имен отца Уджахорреснета и сановника — владельца памятника Louvre A 93, но и упоминание в тексте последнего должности «великого лекаря» [Pressl 1998: 232]. Поскольку практика передачи ряда должностей от отца к сыну была в целом характерна для Позднего времени [Otto 1954], то попытка связать одного «великого лекаря» с другим в целом выглядит логичной.

На идеи Э. Ревийю опирается и О. Марукки[4], опубликовавший в конце XIX в. текст и описание наофорной статуи Уджахорреснета [Marucchi 1898]. Тем не менее в его работе тема предательства египетского вельможи раскрыта менее подробно, нежели у предшественников: в основном автора интересовали вопросы религиозной политики Камбиза II и комментарии к тексту автобиографической надписи.

Чешский историк-востоковед Ю. Прашек в работе «История мидийцев и персов» отмечает, что огромную роль в покорении Египта персами сыграло предательство различных вельмож и наемников, находившихся на службе у царя Амасиса [Prašek 1906: 251]. В числе рассматриваемых им примеров — как Фанес из Галикарнасса и Комбафес[5], так и Уджахорреснет. Прашек считает, что действия египетского вельможи схожи с действиями предателя Комбафеса, и в целом предполагает, что персонаж произведения Ктесия и египетский сановник времени Первого персидского владычества — это одно и то же лицо. На наш взгляд, на восприятие ученым «великого лекаря» как предателя Египта повлияла не только схожесть с персонажем-предателем, известным из древнегреческих источников (иначе говоря, опора на сведения древнегреческих авторов), но и сами должности Уджахорреснета, указанные им в надписи на наофорной статуе. Так, Прашек приводит одну из должностей египетского сановника в период его службы царям XXVI династии — «начальник царского флота» (*imy-r ḫbnwt nsw*). Подобно многим другим ученым впоследствии, Прашек трактовал данную должность как обозначение руководителя военного флота[6]. Бездействие египетского вельможи в качестве главы военного флота и бездействие самого флота в период египетского похода Камбиза II, а также тот факт, что персидскими царями по совету Уджахорреснета были предприняты определенные действия (а именно восстановление деятельности храма Нейт в Саисе и «домов жизни»), по мнению исследователя, доказывают тезис о предательстве сановника [Ibid.].

Как мы видим, в работах рубежа XIX–XX вв. преобладала тенденция воспринимать Уджахорреснета как предателя, причем важным аспектом было его сравнение с персонажами-предателями Египта, известными из сочинений

[4] О. Марукки (1852–1931) — итальянский археолог, в разные периоды своей жизни был директором Христианского и Египетского музеев Ватиканского музея (где поныне хранится наофорная статуя Уджахорреснета). Основная сфера научных интересов — археология христианства.

[5] История о Комбафесе, евнухе при египетском царе Амиртее, предавшем египетского царя и показавшем пути в Египет в обмен на возможность самому стать правителем долины Нила, известна из Ктесия Книдского (в передаче Фотия) (FGrH. 688 Fr. 29.9).

[6] Следует отметить, что подобная трактовка данной должности сохранялась практически до конца XX в. (см., например: [Тураев 1935 (2): 122–124; Klasens 1945–1948; Ray 1988; Дандамаев 1985: 57]) и встречается даже в ряде позднейших работ, призванных «оправдать» действия Уджахорреснета [Lloyd 1982; Holm-Rasmussen 1988; Rössler-Köhler 1991]. Лишь в 1992 г. Дж. Дарнеллом было показано, что термин *ḫbnwt nsw* (букв. «корабли царские») не следует понимать как указание именно на военные корабли и военный флот. [Darnell 1992]. В своей статье исследователь отмечает, что на протяжении всего периода правления XXVI династии под данным термином могли пониматься скорее торговые корабли, нежели военные (для обозначения последних использовался термин *ꜥḥꜥw n ꜥḥ3*, букв. «корабли для сражения») [Ibid.: 82–84, 87]. Таким образом, должность Уджахорреснета *imy-r ḫbnwt nsw* ‘начальник царского флота’ (букв. «начальник кораблей царских») необязательно рассматривать как обозначение руководителя военного флота.

древнегреческих авторов. Но в дальнейших исследованиях подобное восприятие фигуры египетского сановника, в первую очередь сравнение с Фанесом, Комбафесом и другими персонажами-предателями подверглось критике. В связи с этим, на наш взгляд, стоит привести мнение по данному вопросу русского востоковеда Б. А. Тураева, хотя рассмотрение его идей несколько выходит за рамки нашей статьи. Однако в своих работах Тураев во многом опирается на зарубежный научный опыт, таким образом, его оценка деятельности Уджахорреснета важна для истории представлений о предательстве египетских вельмож персидского времени.

В своей «Истории древнего Востока» [Тураев 1935] русский востоковед старается удержаться от сравнения Уджахорреснета с фигурой Ездры — иудейского священника, служившего персидским царям. Все же ученый отмечает, что не может «снять с него (Уджахорреснета. — *Д. И.*) подозрение в измене национальной династии» и доказать несправедливость сравнения вельможи с предателем Комбафеем, поскольку ситуация, когда руководитель военного флота при двух египетских царях приобретает милость уже при царях персидских, вызывает сомнения насчет предательства «великого лекаря» [Там же: 114–116]. Тем не менее Тураев доказывает, что дальнейшая деятельность Уджахорреснета была направлена на благо Египта и ее целью было смягчение выпавших на долю египтян испытаний (которые отразились на национальном и религиозном чувствах жителей долины Нила) [Там же: 114–116]. Для этого египетский вельможа составляет для Камбиза II традиционную египетскую титулатуру[7], становится инициатором восстановления деятельности храма Нейт в Саисе и в целом, пользуясь влиянием на персидских царей, стремится служить отечеству. Таким образом, хотя Тураев и подозревает Уджахорреснета в предательстве египетской царской династии, но все же стремится «оправдать» его и показать, что деятельность египетского вельможи уже при Камбизе II и Дарии I осуществлялась в интересах Египта.

Еще одной работой, в которой критиковались взгляды ученых рубежа XIX–XX вв., является монография Ж. Познера [Posener 1936], ставшая первым обобщающим трудом, в котором были собраны известные на тот момент иероглифические памятники эпохи Первого персидского владычества. Познер оспаривал мнение Э. Ревийю и Д. Малле о деятельности Уджахорреснета, в частности, отмечая, что оно было основано на ошибочной идентификации отца «великого лекаря» с другим вельможей, жившим во время правления Априя и Амасиса [Ibid.: 164]. В целом французский ученый скептически относился к идее о предательстве Уджахорреснета, но в то же время отмечал апологетический характер текста надписи египетского сановника и считал, что вельможа сыграл существенную роль как во время завоевания Египта Камбизом II, так и в первые годы персидских царей [Ibid.: 165, 167]. Отсутствие в тексте подробного описания времени завоевания, а также «неточность» терминов, употребляемых для описания ситуации в Египте сразу после покорения персами, наводили Познера на мысль, что Уджахорреснет в автобиографии стремится скрыть свою не самую славную роль в данных событиях [Ibid.: 167]. Кроме того, попытка «великого лекаря» представить

[7] Тем не менее в данной титулатуре известно лишь три имени из пяти [Beckerath 1999: 220–221].

Камбиза II в образе традиционного египетского царя была не отражением реальной ситуации, а «преувеличением», призванным оправдать оппортунизм египетского сановника [Ibid.: 171].

Новый этап в развитии представлений о «предательстве» египетских вельмож персидского времени начинается, как мы уже отмечали выше, в период после Второй мировой войны. В первое послевоенное десятилетие появились две статьи — А. Класенса [Klasens 1945–1948] и Дж. Куни [Cooney 1954] — которые и заложили фундамент проблемы «коллаборационизма» и ввели в оборот сам термин «коллаборационист».

Важное значение статьи А. Класенса «Камбиз в Египте» для постановки в египтологической литературе рассматриваемой проблемы связано с тем, что в ней нидерландский ученый впервые проводит параллели между ситуацией Уджахорреснета и событиями недавней мировой войны. Автор не разделяет представления исследователей XIX–XX вв., которые ассоциировали египетского вельможу с персонажами-предателями из сочинений древнегреческих авторов, однако отмечает, что должности Уджахорреснета свидетельствовали о его высоком статусе при царях XXVI династии. После персидского завоевания вельможа теряет все свои значимые должности, дающие ему политическую власть (прежде всего должность «начальника царского флота»), и его деятельность ограничена религиозными функциями. Класенс задается вопросом, что могло повлиять на решение Уджахорреснета служить персидским царям после покорения Египта. Хотя на данный вопрос ученый не дает ответа, он все же оговаривает, что по своему строению и описываемым событиям автобиографическая надпись «великого лекаря» напоминает апологию, призванную показать Уджахорреснета в благом свете как попечителя собственного народа. В связи с этим Класенс отмечает, что «мы знаем аналогичные случаи из настоящего времени» и что слова вельможи о его благой деятельности «слишком знакомы нашим ушам» [Klasens 1945–1948: 343–344], намекая на события Второй мировой войны.

Таким образом, в рамках статьи А. Класенса представление о предательстве египетских вельмож времени Первого персидского владычества получило дальнейшее развитие. Отныне «примером» для сравнения были не предатели из сочинений древнегреческих авторов, а события и люди из недавнего военного прошлого. Тем не менее в работе нидерландского ученого термины «коллаборационист», «коллаборационизм» еще не употребляются по отношению к Уджахорреснету. Их появлением в египтологической литературе мы обязаны, по всей видимости, Дж. Куни и его статье «Портрет египетского коллаборациониста» [Cooney 1954].

В этой статье впервые была осуществлена публикация наофорной статуи мемфисского вельможи, «начальника дома серебра» Птаххотепа (Brooklyn 37.353), а также дана краткая характеристика этого вельможи. Время деятельности Птаххотепа пришлось на время правления персидского царя Дария I. На это указывают два момента: одежды статуи, выполненные в виде «персидского одеяния», и присутствие наофорной статуи в одном комплексе памятников вместе с частной стелой в честь усопшего Аписа от 34-го года правления Дария I (на стеле указаны имя Птаххотепа и те же должности, что и в автобиографической надписи на памятнике из Бруклинского музея[8]) [Ibid.: 14]. Куни не

[8] Стела Louvre IM 1244. Подробнее о данном памятнике см.: [Posener 1986].

разбирает подробно автобиографическую надпись на наофорной статуе Птахотепа, считая ее столь «традиционной по своей форме» и неинтересной для изучения, что даже не приводит перевода[9]. Гораздо больше о положении Птахотепа в египетском обществе персидского времени говорят, по мнению Куни, «персидское одеяние» статуи и шейная гривна, навершия которой выполнены в виде голов льва в персидском стиле. Появление «персидского одеяния» в скульптуре Первого персидского владычества ученый считает персидским влиянием на египетский костюм того времени; по его мнению, ношение подобных одеяний и изображение их на скульптуре было инициировано не сверху, т. е. персидской администрацией, а снизу, т. е. самими представителями египетской элиты, и являлось способом показать свою приверженность чужеземным правителям Египта [Ibid.: 14–15]. Еще больше о проперсидских симпатиях Птаххотепа говорит шейная гривна, служившая, по мнению Куни, знаком царской милости по отношению к мемфисскому вельможе [Ibid.: 10–14].

Данные особенности скульптуры вкупе с должностями египетского сановника (среди которых наиболее значимы такие, как *imy-r pr ḥḏ pr nbw* (букв. «начальник дома серебра и золота») и *ḫrp k3t nb nt nsw* («начальник работ всех царских»; букв. «глава строительства всякого царя») позволяют ученому причислить Птаххотепа к оппортунистам, «людям, служивших врагам своей страны исходя из собственных интересов». В связи с этим Дж. Куни называет Птаххотепа «коллаборационистом» со «всеми значениями, которые наш век (XX в. — *Д. А.*) придал данному старому слову» [Ibid.: 14–15]. Выбор термина не в последнюю очередь был обусловлен личной судьбой автора, который в годы войны, покинув свой пост в Бруклинском музее, служил в разведке США [Colburn 2014: 281]. Относительно самого явления «коллаборационизма» египетских вельмож Куни считает, что в годы правления персидских царей в Египте существовала значительная прослойка «коллаборационистов», которые стали опорой для власти Ахеменидов. Обращение к помощи «коллаборационистов» из числа египетских сановников было вызвано тем, что персидские цари не смогли расположить к себе широкие слои египетского населения: в целом в Египте должны были сохраняться антиперсидские настроения, что отразилось в труде Геродота. Кроме того, свидетельством подобных настроений ученый считал и тот факт, что от времени Первого персидского владычества сохранилось крайне мало частных памятников вельмож-«коллаборационистов». Вполне вероятно, по мнению Куни, что их было куда больше, но после восстановления независимости Египта, на волне антиперсидских настроений, многие из них были уничтожены или повреждены (как в случае наофорной статуи Птаххотепа).

Таким образом, важную роль в формировании взглядов Дж. Куни сыграла опора на сведения древнегреческих авторов об антиперсидских настроениях в египетской среде. Малое число частных памятников данной эпохи, в которых отчетливо были видны проперсидские «симпатии», служило еще одним доказательством распространения враждебных по отношению к персам настроений в широких слоях египетского общества. При таких первоначальных предпосылках было достаточно легко интерпретировать фигуру Птаххотепа и

[9] Текст автобиографической надписи на наофорной статуе Птаххотепа был позднее издан К. Янсеном-Винкельном [Jansen-Winkeln 1998].

Уджахорреснета, которого Куни также упоминает в своей статье [Cooney 1954: 7–9], как предателей интересов Египта.

В 1960–1980-е годы представление о «коллаборационизме» египетских вельмож эпохи Первого персидского владычества разделяется как в египтологической [Brescaiani 1965; Helck 1968; Bothmer 1969; Drioton, Vandier 1984; Ray 1988], так и в неегиптологической литературе [Ghalioungui 1981; 1983]. При этом ученые не всегда исследовали мотивы египетских вельмож и причины, из-за которых египетские сановники перешли на службу персидской администрации. Так, в работах Э. Дриотона характеристика Уджахорреснета как предателя была основана лишь на его близости к персидским царям [Drioton, Vandier 1984]. В статье Дж. Рэя рисуется довольно хаотичная картина строения египетской администрации (как при царях XXVI династии, так и при персах) [Ray 1988: 271–272], а одним из мотивов предательства вельмож-«коллаборационистов» (среди которых Уджахорреснет, названный автором статьи «архиколлаборационистом» [Ibid.: 258]) видится их стремление поставить собственные интересы выше интересов Египта [Ibid.: 275]. Следует отметить, что Дж. Рэй в своем изложении истории Египта времени господства персов опирается на новые исследования (что видно из списка приведенных им источников по данному периоду) и лишь в вопросе о мотивах предательства остается привержен старой «традиции».

Ряд ученых пытался опровергнуть тезис о важной роли личных мотивов как причины «предательства» египетских сановников (прежде всего Уджахорреснета) [Bresciani 1968; Spalinger 1986]. Однако полноценная дискуссия вокруг проблемы «коллаборационизма» развернулась уже в 1980–1990-е годы на фоне общего роста интереса к эпохе Первого персидского владычества, который был связан с изменениями, происходившими в смежной специальности по истории державы Ахеменидов. К 1980-м годам появилось поколение молодых ученых (А. Курт, В. Санчизии-Веенденберг, П. Бриан и др.), стремившихся отойти от господствовавшего «грекоцентристского» взгляда на государство Ахеменидов и привнести в изучение истории персидского государства новые методы. Методологические основы нового направления исследований по истории державы Ахеменидов сложились с началом проведения международных конференций (1983–1990), организованных при непосредственном участии представителей нового поколения ученых-специалистов по истории державы Ахеменидов; материалы данных конференций публиковались в составе сборников «Achaemenid History». Деятельность новой плеяды ученых отразилась и на египтологических исследованиях эпохи Первого персидского владычества, что выразилось в первую очередь в переосмыслении исторического материала данной эпохи в применении новых методов при изучении исторических источников. Новые веяния времени проникли и в исследования, затрагивающие вопрос о «коллаборационизме» египетских вельмож с персами, и привели к изменению точки зрения исследователей о характере взаимодействия между египтянами и персами.

Одной из первых работ, в которых была предпринята попытка по-новому взглянуть на личность Уджахорреснета и мотивы его «предательства», стала статья А. Б. Ллойда [Lloyd 1982]. В ней английский ученый высказывает критическое отношение к интерпретации автобиографической надписи на

наофорной статуе египетского сановника и стремится путем отсечения всех «стереотипных» элементов египетского жанра автобиографии исследовать отношение самого Уджахорреснета к правлению чужеземных царей в Египте. На основе анализа текста «великого лекаря» Ллойд приходит к выводам, что первоначально египетский сановник отнесся к установлению власти новых правителей отрицательно. Затем его отношение к новым правителям Египта резко изменилось, что автор связывает, во-первых, с готовностью Камбиза II (а затем и Дария I) воспринять роль традиционного египетского царя, а во-вторых, со стремлением самого Уджахорреснета представить персидских царей в образе традиционного правителя Египта. В этом случае Ллойд видит влияние персидского завоевания не только на политическую сферу жизни Египта, но и на сферу духовную — на мировоззрение, национальные интересы и самооценку египтян. Это подчеркивается и использованием в тексте автобиографии вельможи термина *nšny*[10], который, по мнению Ллойда, относится к семантическому полю слов, описывающих проявление «тифонической» разрушительной силы. Таким образом, употребление данного термина в контексте описания последствий персидского завоевания, по мнению ученого, говорит о том, что в мировоззрении Уджахорреснета (и, возможно, большинства египтян) покорение Египта рассматривалось как вторжение сил, представлявших угрозу для нормального течения жизни — миропорядка-Маат. Поскольку для египтян основной функцией правителя Египта было сохранение и поддержание миропорядка-Маат, то, как считает Ллойд, в представленном в автобиографии образе Камбиза II прослеживается изменение от первоначального восприятия вельможей персидского царя в качестве противника миропорядка-Маат к полностью противоположному. Наделяя чужеземного завоевателя Египта чертами, характерными для традиционной египетской царской идеологии (пятичленная титулатура, восстановление храма Нейт в Саисе, участие в ритуальной жизни храма), Уджахорреснет стремится показать его как царя, способного поддерживать миропорядок-Маат [Ibid.: 176–178]. Однако для мировоззрения египтян, по мнению английского ученого, подобное изменение роли Камбиза II (от противника к сторонникy миропорядка) было призвано сгладить последствия персидского завоевания, если не устранить их целиком [Ibid.: 177].

Если же рассматривать саму тему «коллаборационизма», как она представлена в статье Ллойда, стоит сказать, что он продолжает использовать соответствующий термин применительно к «великому лекарю» (что отразилось и в названии статьи «Надпись Уджахорреснета: свидетельство коллаборациониста»). В своем понимании данной проблемы английский ученый основывается на идеях Ж. Познера (о них см. выше) [Ibid.: 166] и хотя и не отрицает существенную роль египетского сановника в становлении власти царей из династии Ахеменидов, все же не высказывает прямых суждений о предательстве «великого лекаря». Кроме того, Ллойд повторяет мысль об апологетическом характере надписи на наофоре Уджахорреснета [Ibid.]. Тем

[10] Букв. «буря» (WB II S. 341.). Сам А. Б. Ллойд трактует этот термин как «ярость», опираясь на примеры употребления слова *nšny* в контексте описания разрушительной ярости богов Сета, Апофиса и др. [Lloyd 1982: 177]. Тем не менее наиболее подходящий перевод термина в автобиографии Уджахорреснета, по мнению Ллойда, — «бедствие, катаклизм», что лучше всего отражает связь событий персидского завоевания с «архетипической катастрофой миропорядка».

не менее некоторые взгляды английского ученого идут вразрез с «традицией»: так, он оспаривает тезис о том, что египетский вельможа руководствовался в своих действиях интересами своей «малой родины» — Саиса — и ее культов, а не общеегипетскими национальными интересами. Однако подобная ситуация, как отмечает исследователь (со ссылкой на работу Отто [Otto 1954: 78], который впервые высказал данное наблюдение), была характерна для всех представителей египетской элиты, ставивших интересы собственной «малой родины» выше, чем национальные [Lloyd 1982: 179]. Стоит отметить и такую на первый взгляд незначительную деталь в описании Ллойдом возможных реакций на установление власти чужеземных царей. Ученый выделяет не только сопротивление власти персидских царей или сотрудничество с новыми правителями Египта (собственно, «коллаборационизм»), но и «молчаливое согласие» в ситуации, которую не могли изменить представители покоренного народа [Ibid.: 166]. В предшествующих работах, затрагивавших тему «коллаборационизма», ученые рассматривали взаимодействие египетских вельмож с персами с позиций дихотомии «сотрудничать с новой властью — сопротивляться ей» и третьего варианта просто не выделяли (отчетливо это видно в статьях Дж. Куни, А. Класенса и в последующих работах Э. Дриотона и Дж. Рэя).

Персона Уджахорреснета и его автобиографическая надпись (вместе с другим памятником данного египетского сановника, обнаруженным в 1956 г. при раскопках Мит-Рахина [Anthes 1956]), стали предметом внимания Ж. Годрона [Godron 1985] и У. Рёсслер-Кёллер [Rössler-Köhler 1985; 1991]. В первой из названных работ материалы Уджахорреснета привлекались для исследования истории медицины в Египте I тыс. до н. э. Рассматривая соотнесение фигуры «великого лекаря» с одним из персонажей «Истории» Геродота — египетским врачом, который поступил на службу к царю Камбизу II, — автор с большими сомнениями относится к верности подобного сопоставления.

У. Рёсслер-Кёллер исследовала композицию текста автобиографической надписи «великого лекаря» [Rössler-Köhler 1985] и его отношение к чужеземным властителям [Rössler-Köhler 1991: 270–273]. Первоначально исследовательница еще употребляла по отношению к египетскому сановнику термин «коллаборационист» [Rössler-Köhler 1985]. Однако в более поздней работе Рёслер-Кёллер, опираясь на выводы А. Б. Ллойда, отмечает, что применять к нему этот термин неверно, поскольку в действиях Уджахорреснета, прослеживаются мотивы помощи собственной стране в общем и «малой родины» — Саиса — в частности[11] [Rössler-Köhler 1991: 271–272].

Важной вехой в историографии вопроса можно считать статью Т. Хольма-Расмуссена, выступившего с критикой сложившегося в науке представления о «коллаборационизме» египетских вельмож [Holm-Rasmussen 1988]. Исследователь отмечает, что использование соответствующего термина было проявлением модернизаторской тенденции, т. е. тенденции к объяснению прошлого при помощи норм и терминов современности. Его применение по отношению к египетским вельможам (и прежде всего к Уджахорреснету) «морально стиг-

[11] Хотя, конечно, У. Рёсслер-Кёллер и отмечает, что причины, которые побудили Уджахорреснета вступить в контакт с чужеземными царями, неизвестны [Rössler-Köhler 1991: 271].

матизировало» их в глазах ученых[12], хотя в глазах самих египтян, по всей видимости, персона «великого лекаря» воспринималась в положительном ключе, о чем свидетельствует культовая статуя египетского сановника, обнаруженная при раскопках Мит-Рахины [Anthes 1965; Holm-Rasmussen 1988: 29]. Хольм-Расмуссен обращает внимание, что в предшествующей литературе в основном решались вопросы о степени «коллаборационизма» и о причинах данного феномена в Египте. Однако для более глубокого понимания явления необходимо рассматривать эти вопросы в более широком контексте причин сотрудничества местного населения с персами в рамках всей державы Ахеменидов. На материале сведений других регионов государства Ахеменидов он показывает, что сохранение прежнего административного устройства покоренных регионов и привлечение представителей местных элит к службе при администрации сатрапа были одной из характерных черт политики персидских царей, равно как их уважительное отношение к культуре и религии подчиненных стран [Ibid.: 30–35]. Хольм-Расмуссен отмечает, что для сотрудничества египтян с персами могло быть множество различных причин, однако в первую очередь необходимо взглянуть на данную проблему с точки зрения египетской религии. Автор указывает на то, что в Поздний период (664–332 гг. до н. э.) сложилось представление о верховном божестве (здесь ученый приводит пример Осириса-Онуфрия) как о настоящем правителе Египта, в то время как реальный правитель выступал лишь как земной «наместник» божества. Представители египетской элиты признавали в качестве своего правителя лишь божество, а власть земного владыки — лишь до тех пор, пока последний соответствовал представлениям о благом царе[13]. Действия Камбиза II и Дария I (принятие египетской царской титулатуры, их политика по отношению к храмам и в целом принятие обычаев египтян), по мнению ученого, шли в русле представлений о благом царе. Это позволяло египтянам признать их в качестве легитимных правителей Египта и, соответственно, сотрудничать с ними.

В 1980–1990-е годы растет интерес к фигуре Уджахорреснета и у представителей смежных специальностей. В частности, его автобиография попадает в сферу внимания междисциплинарных исследований, изучавших взаимодействие персов с покоренными народами на уровне местных администраций. К примеру, на ряд параллелей в деятельности Уджахорреснета и другого «коллаборациониста» из числа покоренных персами народов — иудейского священника Неемии указывал еще специалист по библеистике Дж. Бленкинсопп [Blenkinsopp 1987].

[12] Стоит отдельно отметить, что, по мнению Хольма-Расмуссена, определенное влияние на подобное восприятие Уджахорреснета оказали и сведения о ксенофобии египтян, что, в свою очередь, позволяло исследователям рассматривать факт сотрудничества с чужеземцами как предательство. Тем не менее он отмечает, что подобное отношение египтян к чужеземцам было вызвано не политическими, а религиозными причинами. Важно, что чужеземцы могли быть приняты египтянами при условии соблюдения религиозных предписаний [Holm-Rasmussen 1988: 36].

[13] Подобное представление о царе прослеживается в тексте «Демотической хроники», на которую, собственно, и ссылается Т. Хольм-Расмуссен. Недавние исследования по идеологии царской власти в Позднее время [Ладынин 2011; 2016; Ladynin 2020] более подробно раскрывают данные представления. На наш взгляд, Хольм-Расмуссен несколько смело выдвигал подобные идеи без их развернутого обоснования.

Взаимодействие египетских вельмож с персидской администрацией исследовал французский специалист по истории державы Ахеменидов П. Бриан [Briant 1988; 2002]. Характерно, что в его работах мы не встречаем суждений о «коллаборационизме» представителей египетской элиты (равно как и самих терминов «коллаборационист», «коллаборационизм» в значении «предатель», «предательство»), что обусловлено методологией ученого. Для описания взаимодействия между персами и египтянами Бриан применяет разработанную им концепцию «господствующего этнокласса», в основе которой лежит представление о том, что контроль над регионами державы Ахеменидов осуществлялся небольшой прослойкой представителей персидской элиты, культурно обособленной от местного населения. Административное устройство покоренных регионов существенно не изменялось: представители «этнокласса» занимали лишь наиболее важные для управления должности, прежде всего в военной сфере, в то время как за другие сферы жизни сатрапий могли отвечать представители местных элит. Допуск последних к осуществлению управлению над регионом был характерен не только для Египта, но и для других сатрапий державы Ахеменидов [Briant 1988: 137–138]. В таком случае говорить о «коллаборационизме» египетских вельмож Бриану не приходится. Тем не менее, затрагивая тему образа Дария I в египетских источниках, он делает несколько замечаний о необходимости рассматривать подобное положительное восприятие персидского царя египтянами не только с позиций религии (желание египтян продолжить египетскую царскую традицию), но и в рамках других факторов. По мнению ученого, в преобладании религиозного фактора в исследованиях последних лет «виноват» Уджахорреснет, поскольку в тексте его автобиографии основное внимание уделено именно действиям египетского сановника в данной сфере [Briant 2002: 483–484].

В 1990-е годы продолжали появляться работы египтологов, в которых затрагивался вопрос о характере действий египетских вельмож времени Первого персидского владычества. Так, сведения автобиографической надписи Уджахорреснета привлекались в двух статьях немецкого ученого Г. Буркарда. В первой, посвященной изучению примеров присутствия при дворе персидских царей египетских лекарей [Burkard 1994a], автор отмечает, что благодаря рассматриваемому тексту и описываемым в нем событиям египетского вельможу считают первым из «коллаборационистов» в мировой истории. Хотя сам ученый сомневается в подобной характеристике [Ibid.: 43], подробно данный вопрос он не разбирает, поскольку его основное внимание уделено деятельности Уджахорреснета в качестве «великого лекаря» при персидских царях. По мнению Буркарда, именно данная должность была наиболее важной как для самого вельможи, так и для последующих поколений египтян. Первое связано с тем, что присутствие при дворе персидских царей в качестве лекаря позволяло Уджахорреснету влиять на политику Камбиза II и Дария I по отношению к Египту. Кроме того, именно его благая деятельность в этой должности стала причиной, по которой спустя 170 лет была возведена культовая статуя вельможи, обнаруженная в Мит-Рахине [Ibid.: 44–45]. При этом Буркард отмечает, что действия Уджахорреснета в качестве начальника военного флота вряд ли нашли бы отклик среди потомков — очевидно, исследователь все еще трактует должность «начальник царского флота» как указание на ре-

альное командование военным флотом [Ibid.]. Также немецкий исследователь обращается к вопросу о соотнесении «великого лекаря» с египетским лекарем из «Истории» Геродота, служившим при персидских царях. По его мнению, этот вопрос «спекулятивен», однако автор предполагает, что Уджахорреснет мог быть реальным прототипом персонажа Геродота и, возможно, лекаря из коптского «Романа о Камбизе» [Ibid.: 46]. Во второй статье [Burkard 1994b] автобиографическая надпись на ватиканской наофорной статуе привлекается ученым в качестве доказательства разрушения храмов в период персидского завоевания. Буркард не разбирает подробно образ Уджахорреснета, однако стоит отметить, что он не употребляет по отношению к египетскому сановнику ни термина «коллаборационист», ни других терминов, содержащих отрицательную этическую оценку.

Немецкий египтолог В. Хусс в статье [Huss 1997], рассматривая причины «коллаборационизма» в древнем Египте, рассуждает о значении термина «коллаборационист» в современных языках и приходит к выводу, что данный термин обладает этическими коннотациями, понимаемый как «сотрудничество с врагом в ущерб интересам собственной нации». Однако такое определение отражает современные реалии и не подходит для описания реалий древности, поэтому Хусс применяет это слово в двух значениях — в более нейтральном (как обозначение простого сотрудничества), и в негативном (как «предательство интересов страны»). На основе анализа исторического материала Первого персидского владычества ученый приходит к выводу, что «коллаборационистами» в первом значении были все, кто хоть как-то связан с управлением и ведением местных дел. Однако говорить о «коллаборационизме» (с этически негативным оттенком) в случае высших египетских сановников достаточно спорно. Тем не менее Хусс отмечает, что египтяне видели в персах врагов-чужеземцев, и ситуация, когда персидский царь был признан правителем Египта и обрел сторонников из среды египетской элиты, была вызвана упадком представлений традиционной царской идеологии и внешнеполитической слабостью самой страны.

Важность религиозно-идеологической составляющей в мотивах, заставивших египетских сановников принять персидских царей, подчеркивалась в работе Б. Меню [Menu 1998]. Относительно Уджахорреснета французская исследовательница в целом разделяет взгляды Ж. Познера [Posener 1936: 165, 167], при этом подчеркивает, что оппортунизм египетского сановника связан с его религиозным благочестием [Menu 1998: 258].

В XXI в. происходит постепенный отказ от терминов «коллаборационист» и «коллаборационизм» (и в целом от самого представления о предательстве) по отношению к египетским вельможам времени Первого персидского владычества. Редкие случаи употребления данных терминов, на наш взгляд, уже не подразумевают этической оценки и являются скорее данью «традиции» [Steinberg el Hotabi 2000][14]. Кроме того, осмысливается и само представление о «коллаборационизме» египетских вельмож. Так, Г. Виттманн, исходя из определения «коллаборационизма» как «сотрудничества с врагом в ущерб на-

[14] Хотя позднее исследовательница перестала употреблять данный термин: например, в недавнем издании источников времени персидского владычества [Steinberg el Hotabi 2017: 16] она, затрагивая тему «коллаборационизма» Уджахорреснета, ссылается на труд Г. Виттманна [Vittmann 2012].

циональным интересам» (как у В. Хусса), отмечает, что понятия «нация» и «национализм» очень ограниченно применимы для древнего Египта. По мнению немецкого исследователя, для самих египтян различение «свой — чужой» проходило на основе принадлежности к египетской культуре. Поскольку правители из династии Ахеменидов восприняли традиционную роль египетского царя, это позволило египетским вельможам не считать их чужеземцами и принять власть завоевателей. Кроме того, Виттманн полагает, что применение термина «коллаборационисты» (в том значении, которое приведено у Хусса) по отношению к египетским вельможам спорно, и предлагает употреблять его в кавычках [Vittmann 2011: 376].

Тема представлений о «коллаборационизме» затрагивается и в упоминавшейся выше диссертации П. Х. Колберна. Ученый критически относится к данной «традиции» и считает, что употребление столь анахроничного [Colburn 2014: 31] термина было отражением двойных стандартов в египтологии, когда «к египетскому империализму относились положительно, а к империализму Ахеменидов — отрицательно»[15] [Ibid.: 280–281]; кроме того, само употребление термина подразумевало, что случаи сотрудничества с персами были единичными, а не являлись распространенным в державе Ахеменидов вариантом взаимодействия завоевателей с покоренными народами [Ibid.: 31]. Проанализировав скульптурные особенности частных памятников египетских вельмож-«коллаборационистов», Колберн приходит к выводу, что данные особенности отражают различные варианты осмысления персидского господства египетскими сановниками [Ibid.: 278–279, 290].

Необходимо отметить, что в последние годы проявляется тенденция рассматривать взаимодействие египетских вельмож с персами не через призму этической оценки действий первых, а в рамках исследования какой-либо определенной темы, будь то культурное взаимодействие [Colburn 2020b; Smolárková 2015]), устройство администрации [Agut-Labordère 2017] и т. д. Ярким примером разнообразия тем, в рамках которых исследуется материал времени Первого персидского владычества, можно считать недавний номер журнала «Journal of Ancient Egyptian Interconnections», посвященный теме «Уджахорреснет и его мир» (Udjahorresnet and His World). В представленных в нем статьях фигура Уджахорреснета рассматривается с позиций международных отношений [Aissaoui 2020], как пример сопротивления [McCoskey 2020] и т. д.

Литература

Дандамаев 1985 — *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985.

Ладынин 2011 — *Ладынин И. А.* «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н. э. // Петербургские египтологические чтения 2009–2010: Памяти Светланы Ивановны Ходжаш, памяти Александра Серафимовича Четверухина: Доклады / [Отв. ред. А. О. Большаков]. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. (Тр. Гос. Эрмитажа; 55). С. 139–169.

[15] Следует отметить, что на выбор соответствующих терминов повлияли взгляды самого П. Х. Колберна, в критических замечаниях которого заметно влияние концепции «ориентализма» Э. Саида [Colburn 2014].

Ладынин 2016 — *Ладынин И. А.* Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I тысячелетии до н. э. // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллиинистическом и римском мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. (Тр. ист. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова; 82. Сер. 2: Исторические исследования; 39). С. 136–173.

Панов 2017 — *Панов М. В.* Историко-биографические и мифологические надписи позднего времени. Новосибирск: М. В. Панов, 2017.

Тураев 1935 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Т. 1–2. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935.

Agut-Labordère 2017 — *Agut-Labordère D.* Administrating Egypt under the First Persian Period: The Empire as visible in the Demotic sources // Administration of the Achaemenid Empire: Tracing the imperial signature / Ed. by B. Jacobs, W. Henkelman, M. W. Stolper. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. P. 676–697.

Aissaoui 2020 — *Aissaoui A. I.* Diplomacy in ancient times: The figure of Udjahorresnet: An international relations perspective // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. Vol. 26. 2020. P. 12–34.

Anthes 1965 — Mit Rahineh 1956 / Ed. by R. Anthes. Philadelphia: The Univ. Museum; Univ. of Pennsylvania, 1965.

Beckerath 1999 — *Beckerath J. von.* Handbuch der Ägyptischen Königsnamen. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1999.

Blenkinsopp 1987 — *Blenkinsopp J.* The mission of Udjahorresnet and those of Ezra and Nehemiah // Journal of Biblical Literature. Vol. 106. No. 3. 1987. P. 409–421.

Bothmer 1969 — *Bothmer B.* Egyptian sculpture of the Late Period. 700 B.C. to A.D. 100. New York: The Arno Press, 1969.

Bresciani 1965 — *Bresciani E.* Ägypten und das Perserreich // Fischer Weltgeschichte. Bd. 5: Griechen und Perser. Die Mittelmeerwelt im Altertum I / Hrsg. von H. Bengtson. Frankfurt am Main: Fischer Bücherei, 1965. S. 311–329.

Bresciani 1968 — *Bresciani E.* Egypt and the Persian Empire / Trans. by P. Johnson // The Greeks and the Persians: From the sixth to the fourth centuries / Ed. by H. Bengtson. New York: Delacorte Press, 1968. P. 333–353, 425–428.

Briant 1988 — *Briant P.* Ethno-classe dominante et populations soumises dans l'empire achéménide: Le cas d'Égypte // Method and theory: Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1988. P. 137–173 (Achaemenid History III).

Briant 2002 — *Briant P.* From Cyrus to Alexander: A history of the Persian empire / Trans. by P. T. Daniels. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2002.

Brugsch 1859 — *Brugsch H.* Histoire d'Égypte dès les premiers temps de son existence jusqu'à nos jours. I: L'Égypte sur les rois indigènes. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1859.

Burkard 1994a — *Burkard G.* Medizin und Politik: Altägyptische Heilkunst am persischen Königshof // Studien zur Altägyptischen Kultur. Bd. 21. 1994. S. 35–57.

Burkard 1994b — *Burkard G.* Literarische Tradition und historische Realität. Die persische Eroberung Ägyptens am Beispiel Elephantine // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 121. 1994. S. 93–106.

Colburn 2014 — *Colburn H. P.* The archaeology of Achaemenid rule in Egypt: Dissertation / Univ. of Michigan. Ann Arbor, 2014.

Colburn 2020a — *Colburn H. P.* Archaeology of empire in Achaemenid Egypt. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2020.

Colburn 2020b — *Colburn H. P.* Udjahorresnet the Persian: Being an essay on the archaeology of identity // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. Vol. 26. 2020. P. 59–74.

Cooney 1954 — *Cooney J.* The portrait of an Egyptian collaborator // Brooklyn Museum Bulletin. Vol. 15. No. 2. 1954. P. 1–16.

Darnell 1992 — *Darnell J. C.* The *kbn.wt* vessels of the Late Period // Life in a multi-cultural society: Egypt from Cambyses to Constantine and beyond / Ed. by J. H. Johnson. Chicago: Oriental Institute of the Univ. of Chicago, 1992. P. 67–90.

Drioton, Vandier 1984 — *Drioton E., Vandier J.* L'Égypte. Des origines à la conquête d'Alexandre. 6e édition. Paris: Presses Universitaires de France, 1984.

Driver 1954 — *Driver G. R.* Aramaic documents of the fifth century B. C. Oxford: Clarendon Press, 1954.

Ghalioungui 1981 — *Ghalioungui P.* Remarques sur la structure du corps medical égyptien à l'époque pharaonique // Bulletin de Centenaire / Institut français d'archéologie orientale. Cairo, 1981. (Supplément au BIFAO, Vol. 81). P. 11–18.

Ghalioungui 1983 — *Ghalioungui* P. The physicians of Pharaonic Egypt. Cairo: Al-Ahram Center for Scientific Translations, 1983.

Godron 1986 — *Godron G.* Notes sur l'histoire de la médicine et l'occupation perse en Égypte // Hommages à François Daumas / Institut d'égyptologie de l'Université Paul Valéry. Montpellier: Université de Montpellier, 1986. P. 285–297.

Helck 1968 — *Helck W.* Geschichte des Alten Ägypten. Leiden; Köln: E. J. Brill, 1968.

Holm-Rasmussen 1988 — *Holm-Rasmussen T.* Collaboration in early Achaemenid Egypt: A new approach // Studies in ancient history and numismatics presented to Rudi Thomsen / Ed. by E. Christiansen, A. Damsgaard-Madsen, E. Hallager. Aarchus: Aarchus Univ. Press, 1988. P. 29–38.

Huss 1997 — *Huss W.* Ägyptische Kollaborateure in persischer Zeit // Tyche: Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. Bd. 12. 1997. S. 131–144.

Jansen-Winkeln 1998 — *Janseln-Winkeln K.* Drei Denkmäler mit archaisierender Orthographie // Orientalia. Vol. 67. No. 2. 1998. S. 155–172.

Jansen-Winkeln 2000 — *Jansen-Winkeln J.* Die Fremdherrschaften in Ägypten im 1. Jahrtausend v. Chr. // Orientalia. Vol. 69. No. 1. 2000. S. 1–20.

Klasens 1945–1948 — *Klasens A.* Cambyses en Egypte // Jaarbericht van het vooraziatisch-Egyptisch Genootschap. Ex Oriente Lux. Vol. 10. 1945–1948. P. 339–349.

Ladynin 2020 — *Ladynin I. A*. Udjahorresnet and the royal name of Cambyses: The "derivative sacrality" of Achaemenids in Egypt // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. Vol. 26. 2020. P. 88–99.

Lloyd 1982 — *Lloyd A. B.* The inscription of Udjahorresnet: A collaborator's testament // Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 68. 1982. P. 166–180.

Mallet 1888 — *Mallet D.* Le culte de Neith à Sais. Paris: Leroux, 1888.

Marucchi 1898 — *Marucchi O.* La biografia di un personaggio politico dell'antico Egitto scritta sopra la sua statua nel Museo Egizio Vaticano // Bessarione. Vol. 4. 1898. P. 48–88.

McCoskey 2020 — *McCoskey A.* Fight the power: Udjahorresnet and Petosiris as agents of resistance // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. Vol. 26. 2020. P. 131–147.

Menu 1998 — *Menu B.* Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Égypte. Vol. 2. (Bibliothèque d'Étude; 122). Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1998.

Otto 1954 — *Otto E.* Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit; ihre geistesgeschichtliche und literarische Bedeutung. Leiden: E. J. Brill, 1954.

Posener 1936 — *Posener G.* La première perse domination en Égypte: Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques. Le Caire: L'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1936.

Posener 1986 — *Posener G.* Du nouveau sur Kombabos // Revue d'Égyptogie. Vol. 37. 1986. P. 91–96.

Prašek 1906 — *Prašek J. V.* Geschichte der Meder und Perser bis zur makedonischen Eroberung. Bd. 2. Gotha: Friedrich Andreas Perthes Aktiengesellschaft, 1906.

Pressl 1998 — *Pressl D. A.* Beamte und Soldaten. Die Verwaltung in der 26. Dynastie in Ägypten (664–525 v. Chr.). Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 1998. (Europäische Hochschulschriften: Reihe 3, Geschichte und ihre Hilfswissenschaften; Bd. 779).

Quack 2011 — *Quack J. F.* Zum Datum der persischen Eroberung Ägyptens unter Kambyses // Journal of Egyptian History. Vol. 4. No. 2. 2011. P. 228–246.

Ray 1988 — *Ray J.* Egypt 525–404 B. C. // Cambridge ancient history. Vol. 4: Persia, Greece and Western Mediterranean, c. 525 to 479 / Ed. by J. Boardman, N. G. L. Hammond, D. M. Lewis, M. Ostwald. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 254–286.

Revillout 1880 — *Revillout E.* Premier extrait de la Chronique Démotique de Paris: le roi Amasis et les mercenaires selon les données d'Hérodote et les renseignements de la chronique // Revue égyptologique. Vol. 1. 1880. P. 49– 87.

Rössler-Köhler 1985 — *Rössler-Köhler U.* Zur Textkompositionen der naophoren Statue des Udjahorresnet / Vatikan Inv.-Nr. 196 // Göttinger Miszellen. Bd. 85. 1985. S. 43–54.

Rössler-Köhler 1991 — *Rössler-Köhler U.* Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991.

Smoláriková 2015 — *Smoláriková K.* Udjahorresnet: The founder of the Saite-Persian cemetery at Abusir and his engagement as leading political person during the troubled years at the beginning of the Twenty-Seventh Dynasty // Political memory in and after the Persian empire / Ed. by J. M. Silverman, C. Waerzeggers. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 151–164.

Spalinger 1986 — *Spalinger A.* Udjahorresnet // Lexikon der Ägyptologie. Bd. 6 / Hrsg. von W. Helck, W. Westendorf. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1986. S. 822–824.

Spiegelberg 1914 — *Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1914.

Spiegelberg 1928 — *Spiegelberg W.* Drei demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius' I., mit den Chnumpriestern von Elephantine. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1928.

Steinberg-el Hotabi 2000 — *Steinberg-el Hotabi H.* Politische und sozio-ökonomische Strukturen im perserzeitlichen Ägypten: neue Perspektiven // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 127. No. 2. 2000. S. 153–167.

Steinberg-el Hotabi 2017 — *Steinberg-el Hotabi H.* Quellentexte zur Geschichte der ersten und zweiten Perserzeit in Ägypten. Einführungen und Quellentexte zur Ägyptologie. Berlin: Lit, 2017.

Vittmann 2011 — *Vittmann G.* Ägypten zur Zeit der Perserherrschaft // Herodot und das Persische Weltreich. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema "Vorderaisen im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen". Innsbruck, 24.–28. November 2008 / Hrsg. von R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. S. 373–429.

Wiedemann 1880 — *Wiedemann A.* Geschichte Ägyptens von Psammetich I. bis auf Alexander den Grossen. Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1880.

References

Agut-Labordère, D. (2017). Administrating Egypt under the First Persian Period: The Empire as visible in the Demotic sources. In B. Jacobs, W. Henkelman, & M. W. Stolper (Eds.). *Administration of the Achaemenid Empire: Tracing the imperial signature* (pp. 676–697). Harrassowitz.

Aissaoui, A. I. (2020). Diplomacy in ancient times: The figure of Udjahorresnet: An international relations perspective. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections, 26*, 12–34.

Anthes, R. (Ed.) (1965). *Mit Rahineh 1956*. The Univ. Museum; Univ. of Pennsylvanua.

Beckerath, J. von. (1999). *Handbuch der ägyptischen Königsnamen.* Verlag Philipp von Zabern. (In German).

Blenkinsopp, J. (1987). The mission of Udjahorresnet and those of Ezra and Nehemiah. *Journal of Biblical Literature, 106*(3)*,* 409–421.

Bothmer, B. (1969). *Egyptian sculpture of the Late Period. 700 B.C. to A.D. 100.* The Arno Press.

Bresciani, E. (1965). Ägypten und das Perserreich. In H. Bengston (Ed.). *Fischer Weltgeschichte*, (Vol. 5) *Griechen und Perser. Die Mittelmeerwelt im Altertum I*. Fischer Bücherei. (In German).

Bresciani, E. (1968). Egypt and the Persian Empire (P. Johnson, Trans.). In H. Bengston (Ed.). *The Greeks and the Persians: From the sixth to the fourth centuries* (pp. 333–353, 425–428). Delacorte Press.

Briant, P. (1988). Ethno-classe dominante et populations soumises dans l'empire achéménide: Le cas d'Égypte. In H. Sancisi-Weerdenburg, & A. Kuhrt (Eds.). *Method and theory: Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop*, (pp. 137–173). Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten. (In French).

Briant, P. (2002). *From Cyrus to Alexander: A history of the Persian empire* (P. T. Daniels, Trans.). Eisenbrauns.

Brugsch, H. (1859). *Histoire d'Égypte dès les premiers temps de son existence jusqu'à nos jours. I: L'Égypte sur les rois indigènes.* J. C. Hinrichs. (In French).

Burkard, G. (1994a). Medizin und Politik: Altägyptische Heilkunst am persischen Königshof. *Studien zur Altägyptischen Kultur, 21,* 35–57. (In German).

Burkard, G. (1994b). Literarische Tradition und historische Realität. Die persische Eroberung Ägyptens am Beispiel Elephantine. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde, 121*, 93–106. (In German).

Colburn, H. P. (2014). *The archaeology of Achaemenid rule in Egypt* (Dissertation, Univ. of Michigan).

Colburn, H. P. (2020a). *Archaeology of empire in Achaemenid Egypt.* Edinburgh Univ. Press.

Colburn, H. P. (2020b). Udjahorresnet the Persian: Being an essay on the archaeology of identity. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections, 26*, 59–74.

Cooney, J. (1954). The portrait of an Egyptian collaborator. *Brooklyn Museum Bulletin, 15*(2), 1–16.

Dandamaev, M. A. (1985). *Politicheskaia istoriia Akhemenidskoi derzhavy* [The political history of the Achaemenid Empire]. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka". (In Russian).

Darnell, J. C. (1992). The *kbn.wt* vessels of the Late Period. In J. H. Johnson (Ed.). *Life in a multi-cultural society: Egypt from Cambyses to Constantine and beyond* (pp. 67–90). Oriental Institute of the University of Chicago.

Drioton, E., & Vandier, J. (1984). *L'Égypte. Des origines à la conquête d'Alexandre* (6th ed.). Presses Universitaires de France. (In French).

Driver, G. R. (1954). *Aramaic documents of the fifth century B. C.* Clarendon Press.

Ghalioungui, P. (1981). Remarques sur la structure du corps medical égyptien à l'époque pharaonique. In *Bulletin de Centenaire* (pp. 11–18). Institut français d'archéologie orientale. (In French).

Ghalioungui, P. (1983). *The physicians of Pharaonic Egypt.* Al-Ahram Center for Scientific Translations.

Godron, G. (1986). Notes sur l'histoire de la médicine et l'occupation perse en Égypte. In *Hommages à François Daumas* (pp. 285–297). Université de Montpellier. (In French).

Helck, W. (1968). *Geschichte des Alten Ägypten.* Brill. (In German).

Holm-Rasmussen, T. (1988). Collaboration in early Achaemenid Egypt: A new approach. In E. Christiansen, A. Damsgaard-Madsen, & E. Hallager (Eds.). *Studies in ancient history and numismatics presented to Rudi Thomsen* (pp. 29–38). Aarchus Univ. Press.

Huss, W. (1997). Ägyptische Kollaborateure in persischer Zeit. *Tyche: Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik, 12*, 131–144. (In German).

Janseln-Winkeln, K. (1998). Drei Denkmäler mit archaisierender Orthographie. *Orientalia, 67*(2), 155–172. (In German).

Jansen-Winkeln, K. (2000). Die Fremdherrschaften in Ägypten im 1. Jahrtausend v. Chr. *Orientalia, 69*(1), 1–20. (In German).

Klasens, A. (1945–1948). Cambyses en Egypte. *Jaarbericht van het vooraziatisch-Egyptisch Genootschap. Ex Oriente Lux, 10*, 339–349. (In Dutch).

Ladynin, I. A. (2011). "Tsar' na puti boga': O printsipakh otsenki deiatel'nosti tsaria v egipetskoi ideologii IV–III vv. do n. e. ["King on the way of god": On the principles of assessing royal activities in Egyptian ideology of the fourth — third centuries B. C.] In A. O. Bol'shakov (Ed.). *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2009–2010: Pamiati Svetlany Izmailovny Khodzhash, pamiati Aleksandra Serafimovicha Chetverukhina: Doklady* (pp. 139–169). Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (In Russian).

Ladynin, I. A. (2016). Drevneegipetskie kontseptsii sakral'nosti tsarskoi vlasti v I tysiacheletii do n. e. [Ancient Egyptian conceptions of the sacredness of king's power of the first millennium B. C.]. In S. Iu. Sarykin, & I. A. Ladynin (Eds.). *"Bogi sredi liudei": kul't pravitelei v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire* (pp. 136–173). Izdatel'stvo RKhGA. (In Russian).

Ladynin, I. A. (2020). Udjahorresnet and the royal name of Cambyses: The "derivative sacrality" of Achaemenids in Egypt. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections, 26*, 88–99.

Lloyd, A. B. (1982). The inscription of Udjahorresnet: A collaborator's testament. *Journal of Egyptian Archaeology, 68*, 166–180.

Mallet, D. (1888). *Le culte de Neith à Sais*. Leroux. (In French).

Marucchi, O. (1898). La biografia di un personaggio politico dell'antico Egitto scritta sopra la sua statua nel Museo Egizio Vaticano. *Bessarione, 4*, 48–88. (In Italian).

McCoskey, A. (2020). Fight the power: Udjahorresnet and Petosiris as agents of resistance. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections, 26*, 131–147.

Menu, B. (1998). *Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Égypte* (Vol. 2). Institut français d'archéologie orientale. (In French).

Otto, E. (1954). *Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit; ihre geistesgeschichtliche und literarische Bedeutung.* E. J. Brill. (In German).

Panov, M. V. (2017). *Istoriko-biograficheskie i mifologicheskie nadpisi pozdnego vremeni* [Historical, biographical and mythological inscriptions of the Late Period]. M. V. Panov (In Russian).

Posener, G. (1936). *La première perse domination en Égypte: Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques*. Le Caire: L'Institut Français d'Archéologie Orientale. (In French).

Posener G. (1986). Du nouveau sur Kombabos. *Revue d'Égyptogie, 37,* 91–96. (In French).

Prašek, J. V. (1906). *Geschichte der Meder und Perser bis zur makedonischen Eroberung*. (Vol. 2). Friedrich Andreas Perthes Aktiengesellschaft. (In German).

Pressl, D. A. (1998). *Beamte und Soldaten. Die Verwaltung in der 26. Dynastie in Ägypten (664–525 v. Chr.).* Peter Lang. (In German).

Quack, J. F. (2011). Zum Datum der persischen Eroberung Ägyptens unter Kambyses. *Journal of Egyptian History, 4*(2), 228–246. (In German).

Ray, J. (1988). Egypt 525–404 B. C. In J. Boardman, N. G. L. Hammond, D. M. Lewis, & M. Ostwald (Eds.). *Cambridge ancient history,* (Vol. 4) *Persia, Greece and Western Mediterranean, c. 525 to 479* (pp. 254–286). Cambridge Univ. Press.

Revillout, E. (1880). Premier extrait de la Chronique Démotique de Paris: le roi Amasis et les mercenaires selon les données d'Hérodote et les renseignements de la chronique. *Revue égyptologique, 1*, 49– 87. (In French).

Rössler-Köhler, U. (1985). Zur Textkompositionen der naophoren Statue des Udjahorresnet / Vatikan Inv.-Nr. 196. *Göttinger Miszellen, 85*, 43–54. (In German).

Rössler-Köhler, U. (1991). *Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung.* Otto Harrassowitz. (In German).

Smoláriková, K. (2015). Udjahorresnet: The founder of the Saite-Persian cemetery at Abusir and his engagement as leading political person during the troubled years at the beginning of the Twenty-Seventh Dynasty. In J. M. Silverman, & C. Waerzeggers (Eds.). *Political memory in and after the Persian empire* (pp. 151–164). SBL Press.

Spalinger, A. (1986). Udjahorresnet. In W. Helck, & W. Westendorf (Eds.) *Lexikon der Ägyptologie* (Vol. 6, pp. 822–824). Otto Harrassowitz. (In German).

Spiegelberg, W. (1914). *Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris.* J. C. Hinrichs. (In German).

Spiegelberg, W. (1928). *Drei demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius' I., mit den Chnumpriestern von Elephantine.* Verlag der Akademie der Wissenschaften. (In German).

Steinberg-el Hotabi, H. (2000). Politische und sozio-ökonomische Strukturen im perserzeitlichen Ägypten: neue Perspektiven. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde, 127*(2), 153–167. (In German).

Steinberg-el Hotabi, H. (2017). *Quellentexte zur Geschichte der ersten und zweiten Perserzeit in Ägypten. Einführungen und Quellentexte zur Ägyptologie.* Lit. (In German).

Turaev, B. A. (1935). *Istoriia Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East] (Vols. 1–2). OGIZ; Sotsekgiz. (In Russian).

Vittmann, G. (2011). Ägypten zur Zeit der Perserherrschaft. In R. Rollinger, B. Truschnegg, & R. Bichler (Eds.). *Herodot und das Persische Weltreich. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema "Vorderaisen im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen". Innsbruck, 24.–28. November 2008* (pp. 373–429). Harrassowitz. (In German).

Wiedemann, A. (1880). *Geschichte Ägyptens von Psammetich I. bis auf Alexander den Grossen*. Johann Ambrosius Barth. (In German).

* * *

Информация об авторе

Денис Александрович Изосимов
аспирант, кафедра истории древнего мира, исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119992, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27/4
Тел.: +7 (495) 939-33-04
✉ *DenLore@yandex.ru*

Information about the author

Denis Alexandrovich Izosimov
Post-Graduate Student, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
Russia, 119992, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27/4
Tel.: +7 (495) 939-33-04
✉ *DenLore@yandex.ru*